

во-первых, реальные эпитафии на могильной плите, которые обычно выходят за рамки литературы и теряют художественный интерес; во-вторых, собственно литературные эпитафии, не предназначенные для утилитарных целей и посвященные памяти выдающихся деятелей современности или близких людей; в-третьих, пародийные сатирические эпитафии».²³

Предложенная систематизация общепринята и вполне допустима, однако, на наш взгляд, она не совсем приемлема для русской эпитафии XVII—начала XIX в., потому что не учитывает литературного, а также культурного сознания эпохи. Не имеющие «художественного интереса» эпитафии как раз очень интересовали современников, достаточно сказать, что «Надгробные надписи. . .», изданные А. Орловым в 1834 г., включают только стихотворные эпитафии, а первая «антология» эпитафий была составлена еще в начале XVIII в.: это была рукописная подборка эпитафий разных авторов последней четверти XVII в.²⁴ И в целом практика XVIII в. с трудом укладывается в предложенную типологию. Остановимся на этом несколько подробнее.

Отграничить реальную эпитафию от литературной довольно сложно, а иногда и просто невозможно. Если в обоих типах соблюдены все формальные признаки, то отнести какую-либо надпись к реальной или литературной можно только за счет *внетекстовых* данных: публикация в некрополе или литературном журнале, эпитафия историческому деятелю минувшей эпохи, перевод, литературный конкурс (например, цикл эпитафий И. Ф. Богдановичу в «Вестнике Европы») и т. п. Но и этих данных бывает недостаточно: в литературном журнале публиковались реальные надписи, переводились реальные эпитафии, сочинение надписи историческому деятелю завершалось ее увековечиванием (надпись М. В. Ломоносова на раке Димитрия Ростовского) и пр. Дело осложняется тем, что литературная эпитафия стремится к полному подобию реальной, вплоть до сопроводительной пометы типа «высечена на надгробном камне». Эта тенденция характерна не только для литературной мистификации (Н. М. Карамзин, Н. Остолопов). Известны две анонимные эпитафии епископу Серапиону Лятушевичу (ум. в 1762 г.), которые ничем не отличаются друг от друга: обе написаны силлабическим 13-сложником по одной и той же «биографической» схеме и почти одинаковы по объему (22 и 20 строк). Установить их «литературный» или «реальный» характер удастся только на том основании, что одна из них высечена на надгробной плите,²⁵ а другая — плод ученических занятий в классе поэтики.²⁶ И такие примеры можно умножить.

²³ Там же. С. 19.

²⁴ БАН, собр. Археограф. комиссии, № 100, л. 120—129.

²⁵ См.: Суворов Н. Описание Вологодского кафедрального Софийского собора. М., 1863. С. 67.

²⁶ См.: Перетц В. Н. Неизвестные подражатели кн. А. Д. Кантемира // Изв. ОРЯС. Л., 1928. Т. 1, кн. 2. С. 337.